

РЕЦЕНЗИИ

Клейн Л.С.

ФИЛОСОФИЯ КЛАССИФИКАЦИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В КНИГЕ АДАМСОВ

Теория и практика. Книга братьев Адамсов, археолога Уильяма и философа Эрнеста, «Археологическая типология и практическая реальность» (Adams and Adams 1991) вышла одновременно с полным русским изданием моей книги «Археологическая типология» (Клейн 1991), так что они не могли его прочесть, если бы даже и владели русским языком. Но более краткое (и скверное) английское издание, вышедшее десятью годами раньше (Klejn 1982), они читали и оценили положительно. В их книге много позитивных ссылок на страницы моего труда, ссылок в подтверждение их идей. Я благодарен авторам за высокую оценку моего труда. Тем не менее, читая их труд, я ощущал чаще несогласие, чем согласие, и дивился тому, как умело были выбраны из моей книги только те места, в которых я говорил нечто подходящее Адамсам, и обойдены все основные положения, в которых мы кардинально расходимся. Впрочем, это их общий подход к предшествующей литературе – везде отмечено только то, что «предуготовляет» Адамсов.

Из братьев Адамсов Уильям получил специальное образование не археолога, а этнолога, но затем 30 лет участвовал в спасательных раскопках разнородных памятников и приобрел обширную практику. Другой брат, философ Эрнест, пройдя увлечение логическим позитивизмом и постпозитивизмом, а затем «историзмом» Т. Куна, пришел к взглядам герменевтического толка. Философу принадлежат в книге всего 3 главы (12, 21 и 26), расположенные в конце каждой из трех последних частей книги. В них он дает философское обоснование археологическим выкладкам брата. Да еще главу 1 братья писали вместе. Остальное сделал археолог Уильям Адамс, который много лет занимался классификацией керамики и других археологических объектов. Он пришел к основным выводам по классификации еще до той встречи с братом, на которой решено было написать книгу совместно, поскольку взгляды на проблему классификации совпали. Так что создателем концепции археологической классификации Адамсов мы вправе считать У.

Адамса, а философ Э. Адамс лишь придал ей философское обоснование (а своему брату-археологу – смелость).

26 глав книги распределены по 5 частям. Первая часть – вводная. В ее двух главах излагаются отправные позиции и формулируются те 24 тезиса, которые затем развернуты в остальных главах. Во второй части (гл. 3 – 8) описываются параметры и элементы типичности, рассматриваются основные понятия и раскрываются термины «классификация» и «типология». Третья часть посвящена типологии в действии – здесь в главах 9 – 11 археолог У. Адамс рассказывает о том, как на практике создавалась его классификационная схема, а в гл. 12 его брат обосновывает с точки зрения философии науки правильность этого пути. Часть четвертая («прагматика археологической типологии») трактует некоторые технические вопросы построения классификаций, а в завершающей эту часть гл. 21 эти трактатки получают философское обоснование. Часть пятая озаглавлена «Классификация, объяснение и теория» и носит историографический характер. Здесь с достигнутых позиций излагается «типологическая дискуссия» (Typological Debate), шедшая в англоязычной литературе, и в конце этой части опять же подведен философский итог в гл. 26.

Братья всё время подчеркивают, что концепция их выросла из практики, нацелена на обслуживание практики и мало задается теоретическими проблемами, обычно далекими от практики. Дж. Бру считал, что в археологическом классифицировании практика не соответствует теории, Адамсы видят беду в другом: теория не отвечает задачам практики (с. 305).

По мнению Адамсов, литература по археологической классификации слишком теоретизирована. Все эти теории поданы как программы действий, изложены доктринерски и крайне удалены от практических занятий археологов. Они стремятся изобразить, какой должна быть классификация вместо того, чтобы изображать, какова она есть (Вводн.). Называя свою книгу «этнографией археологической классификации» (с. XVII – XVIII), авторы, очевидно, хотя

представить ее как картину научной действительности – констатацию того, как археологи на деле классифицируют материал. Но ни одной конкретной классификации, кроме собственных классификаций У. Адамса, в книге не разобрано. Вся книга выглядит как описание, анализ и обоснование классификационной практики одного полевого археолога, очень опытного и способного, но одного. Это не «этнография археологической классификации», а биография методы У. Адамса.

Вопреки филиппикам Адамсов против теории, на деле книга их сугубо теоретична, даже скорее философична, пропитана одной умозрительной доктриной и поэтому очень трудна для понимания и усвоения практиками.

Трудность восприятия в значительной мере усиливается чрезвычайно своеобразной терминологией. Исходя из полного игнорирования теорий, построенных до них, Адамсы не считают себя связанными принятой терминологией и освобождают себя от обязанности как-то с ней считаться. Авторы не пытаются установить, какие термины наиболее прижились в обиходе, не выясняют, которые из них соответствуют употребительным понятиям, а смело вводят собственную терминологию. Но при этом они не изобретают новых терминов для новых понятий, а используют старые термины – «классификация», «типология», «таксон», «диалектика», – придавая им новые значения. Это совершенно недопустимая операция, способная внести только путаницу.

Объективность и условность. В первой же главе Адамсы решительно отвергают требования, чтобы типология была объективной, то есть соответствовала исчезнувшей реальности. По их мнению, она неизбежно *субъективна*, поскольку исчезнувшую реальность возродить нельзя, да и современная реальность лишь содержит связи, а границы всё-таки нарезает исследователь (4 – 16, 76 – 88). Они не доказывают этот взгляд, как и многие свои постулаты (или доказывают их далекими аналогиями и философскими рассуждениями). Субъективность типологии кажется им наглядно очевидной.

Состоятельность же ее обеспечивается с их точки зрения *интерсубъективностью*, то есть хорошими совпадениями с другими субъективными типологиями. Некоторые исследователи принимают такие совпадения за доказательство реальности типов. Но, по Адамсам, и эти совпадения не доказывают «естественность» типов и «реальность» выделенных ячеек. В пояснение они приводят анекдот о рефери бейсбола. Возмущенный нападками на свое судейство боковой судья сказал: я сужу голы, как я их вижу. Другой, постарше, возразил: а я сужу, как они есть. На это старый и авторитетный главный судья ответил: все они ничто, пока я их не определю (с. 201).

Симпатии Адамсов явно на стороне главно-

го судьи, но выбор их слишком ограничен. Не будем упоминать массу публики, которая всё видит и по-своему судит об объективности главного судьи. Можно и публику признать пристрастной. Но есть фото- и кинофиксация голов, есть замеры, сделанные приборами. Аналогично в археологии есть разные проекции одних и тех же данных, есть их фиксация разными средствами. Если они совпадают, то трудно отделиться от убеждения, что мы имеем дело с реальностью.

У Адамсов этого убеждения нет, и они не считают его правомерным. По их мнению, археологи просто трактуют свои типы как реальность, чтобы придать им легитимность (с. 86), а в этом нет надобности. Это и вообще не проблема, достойная внимания. Есть ли естественные типы в материале или нет, но «открывать» их, считают Адамсы, невозможно. Смысл типологии – не в них. Важно, чтобы наши типы служили каким-то целям – хронологии, картографии, или хотя бы конденсированию информации. И чтобы цель эта была у каждой данной типологии одна. Типология – это наш инструмент познания. Как инструмент она должна соответствовать цели исследования, ведь для разных целей необходимы разные инструменты. Следовательно, она релятивна – значима лишь относительно цели, а не относительно какой-либо теории. Сами по себе классификационные понятия – не теория, а только орудия, инструмент, алфавит (с. 312 – 313).

Вопрос, однако, в том, какие типы могут служить исследовательским целям, каким именно целям и почему. Распределить во времени и на карте можно и условно нарезанные ячейки, хотя ячейки, совпадающие с реальными границами, дадут более четкие ареалы на карте и хронологию. Но для исследования социальных организмов, этносов, миграций, влияний, торгово-обменных связей нужны ячейки, как можно более близкие к реальности.

Вообще Адамсы не выдвинули аргументов, более сильных и полных, чем Бру, Форд и Мальмер, а те уже были критически рассмотрены мною. Философская концепция Адамсов в археологическом выражении повторительна и более декларативна. Ее центр тяжести лежит не в археологии, а в философии.

Классификация и типология. Авторы признают очень важным различие классификации и типологии. Я тоже это признаю. Но дальше наши пути расходятся. Я стараюсь выявить в реальной исследовательской практике основания для такого деления, увидеть их в особенностях материала, а затем проследить, как в истории нашей науки на протяжении около двух веков формировались два вида группирования, к которым и прилипли эти два термина и которым в силу ряда связей и ассоциаций они сейчас подходят более всего (хотя есть и другие их употребления). Адамсы же поступили ина-

че. Они провозгласили свое понимание, наиболее удобное им для реализации их концепции.

В полном соответствии с положением об условности и инструментальности классификации они исходят не из реальных свойств материала, а из характеристики мышления исследователя. Их исходный пункт – логическая абстракция «категория», т. е. понятие, которое обобщает впечатления об отдельных схожих вещах или явлениях и сводит их воедино под одним языковым ярлычком. Иерархически упорядоченная сеть категорий и является *классификацией*. *Классы* – это категории с дополнительными чертами членства в формальном ряду.

Типология, по Адамсам, есть разновидность классификации. Это классификация, предназначенная не только для организованной категоризации явлений, но и для сортировки реальных вещей, артефактов, для разбивки их на дискретные группы. Категории в ней становятся ячейками для *сортировки* вещей (с. 39 – 49), образуя *типы*. Классификация – это создание категорий, а типология – сортирование по ним вещей. Первое связано с *дефинициями* типов, второе – с *атрибуцией* вещей по типам и, следовательно, с *дифференциацией* вещей. Классификация может и не иметь цели, типология всегда имеет какую-то цель. Чтобы сортирование было возможным, к типологии предъявляются дополнительные требования по сравнению с классификацией: система ячеек должна быть всеохватывающей, а сами ячейки – взаимоисключающими. (с. 47 – 49).

Итак, классификация, по Адамсам, это систематизированная категоризация, то есть чисто логическая и языковая операция, а типология – это реальное упорядочение вещей, т. е. *классификация в обычном смысле*. Иными словами, реальные явления, достойные по традиции именоваться этими терминами («классификация», «типология»), у Адамсов не выявляются, а термины используются произвольно для наименования уровней процедуры группирования: более общий назван классификацией, частный – типологией. Зачем понадобилось такое переименование? Зачем столь важный статус придан делению на эти два уровня, остается лишь догадываться. Возможно, чтобы отнести строгие критерии, необходимость дефиниции и т. п. к более общему уровню и освободить частный для реальных неуязвок «нубийской типологии» Адамса – для отсутствия строгих дефиниций, невозможности определить, что есть тип... А слово «типология» использовано именно в таком значении скорее всего вот почему. Археологи чаще говорят о типах, чем о классах. Не разбирая причин этого, У. Адамс решил, что свои группировки лучше назвать «типами», а избранную модель классификации – «типологией». Оба Адамса совершенно не задавались целью вы-

яснить, что исторически ассоциировалось со словами «тип», «типический».

Из своей раскладки классификации и типологии Адамсы извлекли возможность утверждать, что типы никогда не дефинируются («парадокс дефиниции»: с. 64 – 66), что практически *дефиниции* для них заменяются *описаниями*. Они считают, что в отличие от классов типы обычно генерируются дифференциацией, а не дефиницией. И невозможно указать, что есть тип: критерии типического не унифицированы.

Однако в реальной практике археологи неизбежно сталкиваются с проблемами, которым я-то и отвел наименование типологии. Адамсы не могут игнорировать эти реальные проблемы. Они пишут и о *политетической классификации*, и о *размытых множествах*, и о *взаимоналожениях границ* типов. Но как они решают эти проблемы, оставленные у них без специального обобщения и обозначения?

Если для типологии нечто надо классифицировать, то надо классифицировать всё, – неоднократно повторяют они. Но, продолжают они, *критерии* дифференциации сдвигаются в процессе работы. Когда уровень за уровнем сортируешь вещи, то на каждой стадии непременно остается осадок, который не поддается распределению по ячейкам. Он требует новых критериев (с. 66). Еще Гексли говорил: «У вида нет одного-единственного критерия». По Адамсам, политетизм – следствие постепенности хода дифференциации при создании типологии (то есть Адамсы относят его не к свойствам материала, а к особенностям исследовательской процедуры). И они вполне логично сетуют: все эти вещи нарушают формальную логику, но мы не можем без них обойтись. Однако, резонно замечают они, это не отвечает на фундаментальный вопрос: почему необходимо политетическое группирование? (с. 70).

Ответ Адамсов – всеохватность и инструментальность типологии – сведен к тавтологии: осадок остается, потому что классификация всеохватна, то есть включает и осадок; границы прошли так, потому что мы их так провели... По сути, у Адамсов нет ответа, и они стараются растворить вопрос в общих рассуждениях о сложностях гуманитарного понимания.

Ведь типы в трактовке Адамсов – идеализированные ячейки с *резкими* границами. По определению, нормы типов должны *взаимоисключаться*. Но в реальности наблюдается нечто другое – размытые множества и взаимоналожение ячеек. Самые четко ограниченные типы, по неожиданному признанию авторов, оказываются самыми искусственными (с. 280). Но это значит, что самые размытые должны быть, наоборот, самыми естественными. Атрибутирование, подведение под тип – самое трудное во всей классификации, признают Адамсы, ибо практически типы формируются по своим ядрам, а не границам, по целым сосудам, а не

черепкам (с. 200). И Адамсы принимают, что определение типа должно перечислять не только нормы, но и отклонения. Однако, сетуют они, эта теория дала мало археологу-практику: трудно находить меру связи вещей (трудно не значит невозможно). Любая процедура не годится, уверяют они. Археолог хочет трактовать типы как обычные множества, даже если знает, что они размытые! (с. 73).

Да, это реальная проблема – необходимость перехода от реальных и диффузных типологий, с которыми почти невозможно работать (разве что построить типологический ряд), к жестким, но искусственным классификациям, по которым легко составлять таблицы сопряженности и карты («типологии» и «классификации» здесь не в том смысле, что у Адамсов). Для этого я и вводил различие между классификацией и типологией (Клейн 1987; 1991: 245 – 246), соответствующее их традиционному именованию. У Адамсов эта проблема повисла в воздухе.

Единственное, что они могут тут предложить, это отказ от строгой логики: «обычно логические типы непрактичны и на деле приходится пользоваться *обиходной логикой (logic-in-use)*». Ее правила Адамсы разумно предпочли не формулировать. «Мы часто знаем, – завершают они, – что наши типы работают, не зная, почему они работают... Но ошибочно считать, что мы должны быть способны дать теоретическое обоснование для наших типов» (с. 74). В оправдание приведены ссылки на то, что и в физике законы не совсем ясны, но это не мешает нам ими пользоваться.

Оправдание никуда не годное. В физике не вполне ясна природа законов, но ясно, что это законы, их регулярность установлена и описана. Поэтому мы можем их спокойно применять, не взирая на неясности. А если классификация непонятно почему удачна, то мы не можем с гарантией повторить ее столь же удачно в новых условиях, с другим материалом, не можем уверенно сделать другую классификацию столь же удачной.

Прозрение против доктрины. У. Адамс – не только отличный археолог-полевик, но и очень проницательный теоретик. Его статьи по вопросам теории содержат блестящие идеи и остроумные наблюдения (например, о родстве работы археолога с деятельностью детектива). В книге не могли не пробиться сквозь умозрительную доктрину рости рациональных мыслей. Правда, это совсем не те идеи, по которым авторы ищут поддержки у меня (там скорее критика нынешнего состояния типологической проблематики).

В частности, в книге не раз повторяется известный девиз классификаторов: сперва дели, потом собирай (*split first, then lump*). Эту мудрость нелишне напоминать археологам снова и снова, потому что *lumpers* весьма распространены среди них, и обе тенденции считаются

в общем равноправными. Мне уже доводилось писать, что это неверно (Клейн 1991: 200 – 201).

Справедливо и рассуждение об увязке морфологического типа с внешними данными. Создаваемые нами типы, сказано в книге, надо сначала разграничивать по морфологическим основаниям, а лишь потом – по их значениям (с. 183). Это нужно для того, чтобы наши типы не только существовали, но и применялись, работали. Чтобы мы находили в них не только *being*, но и *doing*. Тип, регулярно появляется в сочетании с чем-то внешним. Он не может быть основан только на внутренних чертах. И авторы делают знаменательное признание: мера естественности есть степень, в которой типология работает для данной цели (гл. 6, с. 68). Если даже они и не имели в виду действительную естественность, реальность типов и хотели только поставить на ее место условность, целенаправленность типологии, то регулярная связь морфологической основы типа с внешними данными, будучи признана, придает этой констатации совсем другое звучание.

Авторы трезво и довольно скептически относятся к участию компьютеров в классификации. «С внедрением компьютеров, – пишут они, – целое поколение археологов тотчас было обращено в статистиков, понимали они статистику или нет. Они спешили применить новые машины на поприще классификации в надежде решить извечные классификационные проблемы и прежде всего проблему субъективности... Новейшая типологическая литература создает впечатление, что компьютеры стали просто хвостом, который виляет собакой классификации артефактов» (с. 293). Эта тирада направлена особенно против аналитической археологии с ее нумерической классификацией. «Сказать, что артефакт типа А разделяет больше черт с артефактом типа В, чем артефакт типа С – это утверждение, редко пригодное к какой-либо содержательной интерпретации, если вообще пригодное, но археологам потребовалось десятилетие экспериментов, чтобы это установить» (с. 294). Впрочем, компьютеры сейчас в самом начале своего развития, и не стоит оценивать перспективы применения по самым первым шагам.

Очень высоко я ценю редкостное в теоретических книгах высказывание о важности предварительного знания для построения удачной типологии. Предварительное знание, устанавливающее какие-то связи между реальными вещами и нашими понятиями, образует основу для правильного выбора критериев (с. 51 – 53). Если нет *предзнания*, то не помогут и цели, провозглашают авторы (с. 184). Идея предварительного знания была основной во всей моей «Археологической типологии». В опоре на него я видел секрет удачности некоторых практических типологий. Разработку новой стратегии построения типологий я и строил на основе поис-

ка дополнительных источников предварительного знания о реальных типах в материале. При группировании артефактов я видел этот источник в целостном знании о более высоких уровнях типологии – уровнях культур. Жаль, что авторы не развили свою плодотворную идею.

Авторы дали своей книге подзаголовок «Диалектический подход к классификации и сортированию артефактов». Под диалектикой они подразумевают обратную связь между создаваемыми понятиями и обогащающимся знанием о материале. Обратная связь относится скорее к области кибернетики, чем диалектики.

Диалектика же в общепринятом понимании больше связана с внутренними противоречиями. В этом смысле их подход к группированию артефактов действительно диалектичен, но в данном варианте это не достоинство.

Достоинства книги я вижу в другом – в стремлении найти теоретическое обоснование собственной археологической практике, в попытке увязать свою теорию с определенной философией, в осознании необходимости обзаведения четкой понятийной системой и в множестве здравых мыслей умудренного опытом практика, разбросанных по всей книге.

ЛИТЕРАТУРА

Клейн Л. С. 1987. Классификация и типология. – Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докладов... Часть I. Омск, изд. Омского университета: 33 – 35.

Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л, АН СССР.

Adams W. Y. and Adams E. W. 1991. Archaeological typology and practical reality: A dialectical approach to artifact classification and sorting. Cambridge University Press, Cambridge.

Klejn L. S. 1982. Archaeological typology. Oxford, BAR.